

ЗАБЫТЫЕ ОТЗЫВЫ О НЕКРАСОВЕ В ПЕЧАТИ 40-х и 50-х ГОДОВ

Сообщение А. Аникиной

В письме к известному литератору В. Р. Зотову от 21 февраля 1874 г. Некрасов, благодаря его за сочувственный отзыв о новом издании своих стихотворений, писал: «Спасибо Вам от души, Владимир Рафаилович, за Ваше доброе, милое письмо! Очень оно мне было приятно, в последнее время кроме грубых и безапелляционных ругательств в печати ничего не слышу! да и во все 34 года немного слышал я добрых слов...»¹.

В светё этого письма интересно проследить довольно многочисленные, хотя в большинстве своем мимолетные отзывы Вл. Зотова о Некрасове, которые в своей совокупности показывают, что Вл. Зотов в оценке творчества великого поэта примыкал к демократическому лагерю.

Сверстник Некрасова, начавший писательскую деятельность одновременно с ним², Вл. Зотов в середине 40-х годов был связан с Некрасовым совместной литературной работой³. В 1865 г. в статье, посвященной поэме Некрасова «Мороз, Красный нос», Вл. Зотов называет ее автора лучшим современным поэтом, прямым наследником Пушкина и Лермонтова, утверждает, что значение Некрасова как истинно народного поэта неоспоримо, называет поэму «Мороз, Красный нос» одним из лучших произведений в русской литературе, а образ Дарьи необычайно верным и законченным⁴. Эта оценка значения поэзии Некрасова в русской литературе выделялась из других, к тому времени уже довольно многочисленных, положительных высказываний критики о Некрасове тем, что правильно подчеркивала глубокий демократизм, народность всего некрасовского творчества. Существенно отметить, что и более ранние отзывы Вл. Зотова, совершенно не учтенные некрасоведческой библиографией, проникнуты той же тенденцией.

Еще в начале 1848 г. в редактировавшейся им в то время «Литературной Газете» Вл. Зотов дает следующую характеристику творчества Некрасова:

«Между стихотворениями журнала „Современник“ первое место занимают произведения г. Некрасова, которых, по несчастью, весьма немного. Его „Тройка“ и „Еду ли ночью по улице темной“ принадлежат к числу лучших стихотворений во все й р у с с к о й п о э з и и. Этими небольшими песнями и двумя прежними, „Огородник“ и „В дороге“, Некрасов составил себе громкое имя. Стих его, звучный, желчный и сильный, напоминает знаменитого английского юмориста Томаса Гуда и некоторые из сатир Бартеlemi и Барбье. В одном стихе Некрасова часто больше народности, чувства и мысли, чем в целых томах хулителей его дарования»⁵.

В 1852—1856 гг. в своих фельетонах и обзорных статьях «Журналистика» и «Русская литература» в журнале «Пантеон» и в газете «Санкт-Петербургские Ведомости» Вл. Зотов постоянно упоминает о Некрасове как о любимом своем поэте. Указывая с сожалением на некоторые слабые, по его мнению, стихи, как, например, «Старика», «Ах, были счастливые годы» и др., опубликование которых он считает вредным для поэтической известности Некрасова, Вл. Зотов в то же время неустанно подчеркивает достоинство целого ряда стихотворений Некрасова. Называя стихотворение «Блажен незлобивый поэт» — замечательным, Вл. Зотов пишет:

«Эти стихи напоминают прежние произведения г. Некрасова, полные грустного юмора и ядовитого сарказма, к которым можно применить слова Лермонтова: «Железный

стих, облитый горечью и злостью»⁶. Стихотворение «Муза» названо «безукоризненно прекрасным»⁷, а стихотворение «В деревне» отмечено как полное «чувства и поэзии»⁸.

Давая отрицательную оценку прозе Некрасова в отзыве о повести «Тонкий человек», Вл. Зотов вновь подчеркивает значение его как поэта: «У г. Некрасова большое поэтическое дарование, и мы высоко ставим его в ряду наших современных поэтов. Настоящее значение его утвердится, впрочем, когда явится собрание его стихотворений»⁹.

Первыми, более развернутыми высказываниями Вл. Зотова о Некрасове были его отзывы о поэте в обзорных статьях 1856 г., помещенных одна за другой в «С.-Петербургских Ведомостях» (март) и «Пантеоне» (апрель)¹⁰. В газетном фельетоне, разбирая содержание январской книжки «Современника», Вл. Зотов отмечает, что «из стихотворений замечательнейшие принадлежат г. Некрасову». Особо выделяет он стихи: «Внимая ужасам войны» и «Филантроп». К оценке же такого произведения, как поэма «Саша», Вл. Зотов подошел до странности поверхностно. Мысль длинной поэмы «Саша», — заявляет критик, — не довольно ясна и развита, чтобы произвести впечатление». Отметив, что в поэме есть «прекрасная картина падения вырубленного леса», Вл. Зотов бегло и весьма неглубоко излагает содержание поэмы и заключает фразой: «Все это довольно темно, хоть автор и старается в конце поэмы объяснить своего героя»¹¹. Никакой попытки дать анализ образа Агарина критик не делает.

Значительно серьезнее высказывание Вл. Зотова о Некрасове в журнале «Пантеон». В обзорной статье «Русская литература в 1855 году» Вл. Зотов защищает от «эстетической» критики то направление «натуральной школы» в поэзии, во главе которого стоит Некрасов. «Г. Некрасов, — пишет Вл. Зотов, — поместил в „Современнике“ 13 стихотворений, из которых на каждом лежит печать его таланта, его грустной, непрощающей музы, его желчного, резкого стиха. К лучшим pjesам его принадлежит „Свадьба“, полный горького юмора рассказ о венчании одного разгульного подмастерья с обманутой им девушкой, и „В больнице“ — тяжелое, ювеналовское стихотворение, полное высокой, сатирической поэзии. Избрав предмет, полный драматизма и эффекта, поэт рассказывает звучными безыскусственными стихами несколько сцен в больнице: бедного отца, нашедшего своего сына уже в мертвецкой, старого вора, встретившего в сиделке свою первую, истинную любовь, — тяжелая и вместе с тем грогательная картина».

«Конечно, — продолжает Вл. Зотов, — писатели не натуральной школы могут найти все это стихотворение грязным, неэстетическим, могут вскипеть риторическим негодованием на то, что поэт находит вдохновение в больнице, но мы убеждены, что этому стихотворению будет сочувствовать всякий, чье сердце отзывается голосу человеческих страданий, конечно, не нормальных и не общих, но тем не менее существующих в человечестве и, следовательно, заслуживающих изучения. Пусть вспомнят эти чопорные аристархи, утверждающие, что поэзия должна воспевать только розовых пастушков и идиллических барашков, эти дешевые филантропы, отворачивающиеся от язв и недостатков и требующие, чтобы к ним протягивали за помощью руку не иначе, как в перчатках, пусть вспомнят они стихотворение Пушкина (о Гоголе и Лермонтове мы уже не говорим, но Пушкина они называют по смерти его — гением, унижая его при жизни) „Румяный критик мой, насмешник толстогузый!“¹².

Это первое в печати прямое сопоставление реализма поэзии Некрасова и реализма поэзии Пушкина знаменательно в свете литературной борьбы того периода (противопоставления «эстетической» критикой «пушкинского» направления — «гоголевскому»). В этой литературной борьбе Вл. Зотов уже в начале 1856 г. прямо высказывается за право Некрасова и созданного им направления в поэзии на наследие пушкинского реализма.

* * *

В библиографических указателях прижизненной литературы о Некрасове полностью отсутствуют какие-либо высказывания о нем печати за 1856 г., за исключением небольшой заметки Чернышевского в ноябрьской книжке «Современника», предваряющей текст трех стихотворений, перепечатанных из только что вышедшего в свет первого издания стихотворений Некрасова.

Это обстоятельство часто приводило исследователей к выводу, что известные цензурные репрессии, направленные против поэта в связи с выходом в 1856 г. первого издания его стихотворений, заставляли прессу молчать о Некрасове в течение всего года¹³.

Между тем, сборник стихотворений Некрасова был выпущен в свет только в конце октября 1856 г., а «гроза» над Некрасовым разразилась лишь в ноябре, после выхода ноябрьской книжки «Современника», где, как указано, были перепечатаны три (наиболее социально заостренных) стихотворения сборника.

Знаменитый секретный циркуляр министерства внутренних дел, запрещающий печатать статьи о книге Некрасова, помечен 19 декабря 1856 г.¹⁴. До этих событий, за десять месяцев 1856 г., в печати появился ряд отзывов о стихотворениях, печатавшихся в «Современнике». Но и о первом издании стихотворений Некрасова успели проскользнуть в печать, как мы покажем ниже, три рецензии. Сравнительно много откликов вызвала поэма «Саша». К этому времени сила и значение некрасовской поэзии были ясны представителям всех борющихся общественных группировок. Началась борьба вокруг Некрасова. Она отчетливо видна и в отзывах на поэму «Саша».

В «Библиотеке для Чтения» цензор и писатель А. И. Рыжов (под псевдонимом — О. Колядин), разбирая новое «замечательное произведение г. Некрасова», стремился показать, «в какой степени... анализ... подорвал основы стихотворной деятельности нашей». — «Всё вступление в поэму, — писал Рыжов, — превосходно; оно заставляло нас ожидать от г. Некрасова произведения, достойного его таланта. К сожалению, прозаический покррой рассказа и притом вовсе не новый, очень много вредит общему

НЕКРАСОВ

Литография П. Бореля, издание
А. Мюнстера, 1859 г.

Музей изобразительных искусств,
Москва

впечатлению. Весьма часто даже стих г. Некрасова отзывался тяжестью, топорностью и насилием рифмы... Талант у г. Некрасова большой; ума и чувства еще более... откуда же странное впечатление, произведенное его стихами? Со стихотворениями своими г. Некрасов направился в ту сторону новой литературной деятельности, где происходит еще аналитическая разработка содержания народной жизни. Анализ этот, отраженный в настоящее время, в особенности в романе, как наиболее соответствующей ему форме, подточил свободные лирические стремления музы г. Некрасова. Тем не менее, мы полагаем, этот поэт не может не иметь значения в истории нашей литературы. Он в значительной степени способствует сближению современной стихотворной деятельности с господствующим направлением в искусстве»¹⁵.

Оценку другого характера встретила поэма «Саша» в газете «Русский Инвалид». Ее редактор — полковник П. С. Лебедев — не ограничился тем кратким отзывом, который был напечатан в его издании сразу после выхода январской книжки «Современника» с некрасовской поэмой¹⁶.

В конце мая и в начале июня Лебедев поместил в газете две большие свои статьи о «новом истинно-народном направлении нашей литературы». В первой он подробно разбирает тургеневского «Рудина»¹⁷, вторую посвящает некрасовской «Саше». Лебедев выразил в этой статье настроения тех либеральных кругов, которые в «Саше» совершенно ошибочно усмотрели желанный для них отказ Некрасова от революционного обличения и нетерпимости и переход на новые позиции. Осуждая «прежнее» направление демократической литературы, Лебедев, в качестве примера, разбирает стихотворение Некрасова «Еду ли ночью по улице темной», считая его наиболее характерным для того времени... «Теперь талант г. Некрасова является в другом свете», — восклицает Лебедев и, изложив подробно содержание поэмы, «этого замечательного произведения современной русской поэзии», заканчивает свою пространную статью таким выводом: «Миновалась пора застоя, нет более места пустым жалобам... — живи и жить давай другим», — таковы прекрасные начала современной поэзии и ее достойнейших представителей»¹⁸.

Статья Лебедева представляет собою показательный в своем роде образчик фальсификации содержания творчества Некрасова в современной ему либеральной критике. Но в свете «сочувственной» поэту позиции редактора «Русского Инвалида» становится понятным появление в газете в ноябре того же года восторженного отзыва о Некрасове, в связи с выходом в Москве первого издания его «Стихотворений». В то время как две другие ежедневные петербургские газеты, «С.-Петербургские Ведомости» и «Северная Пчела», встретили книгу Некрасова осторожным предусмотрительным молчанием¹⁹, Лебедев помещает в официальном военном издании, каким являлся «Русский Инвалид», заметку своего московского корреспондента, подписанную псевдонимом «Москвич». Автор корреспонденции пишет: «В одном из первых моих писем я высказал глубокую благодарность г.г. Щепкину и Солдатенкову за издание стихотворений Кольцова и Огарева; теперь я должен снова повторить им эту благодарность за издание в свет собрания стихотворений Некрасова, недавно вышедшего в Москве. Я чрезвычайно обрадовался этой книге, тотчас же поспешил купить ее и, возвратясь домой, за один присест, не отрываясь, перечел ее с первой страницы до последней. Уверен, что со многими было то же самое. Из всех современных поэтов самый любимый мною — это Некрасов, и думаю, что многие разделяют мое мнение. Не по звучности стиха, не по поэтической обработке формы, а по самому содержанию, близкому каждому сердцу, невольно задевающему его за живое, по животрепещущему интересу мысли, по ее гуманности, по состраданию к страждущему, по юмору, иногда желчному и даже несколько болезненному, по страстному драматизму, — произведения Некрасова пользуются почти общей любовью, горячим сочувствием, и уже тогда, когда порознь помещались в журналах, многими выучивались наизусть или выписывались в особые тетрадки. Теперь многие, очень многие порадуются, как я, появлению в свет стихотворений Некрасова, поэта самобытного, оригинального. Хотя почти все стихотворения его уже были прежде напечатаны, но с удовольствием перечтут и его „Огородника“, и „В дороге“, и „Тройку“, и „Княгиню“, и „Забытую деревню“, и „Нравственного человека“, и „Филантропа“, и... все до одного»²⁰.

Этот отзыв о книге, над которой к тому времени в правительственных сферах уже собрались грозные тучи, не замеченный библиографами Некрасова, очевидно, был замечен цензурой, так как в последующих фельетонах «Русский Инвалид» перестает совсем говорить о современной русской литературе, а «Москвич», любимым поэтом которого является Некрасов, как бы для того, чтобы заглазить свой «грех» с отзывом об опальной книге, помещает в одном из последних своих «писем из Москвы» бездарнейшее и длиннейшее стихотворение какого-то московского «пята», посвященное столетию русского театра и кончающееся словословием даря ²¹.

Но еще раньше «Русского Инвалида», буквально на другой же день после появления в Москве первых экземпляров «Стихотворений» Некрасова (дата выхода 19 октября), откликнулась на это «литературное явление» газета, издаваемая Московским университетом, — «Московские Ведомости». 20 октября в «Литературном отделе» этой газеты (№ 126, стр. 537—538) появилась следующая заметка:

Б и б л и о г р а ф и ч е с к о е и з в е с т и е. Недавно мы извещали наших читателей о выходе в свет стихотворений г.г. Фета и Огарева; теперь спешим сообщить о литературном явлении, которое, по нашему мнению, заслуживает еще большего внимания и участия: в Москве изданы «Стихотворения» г. Некрасова, к которым публика никогда не оставалась равнодушною, встречая их на страницах „Отечественных Записок“ (до 1847 года) и „Современника“. В числе их читатели найдут много новых пьес, отмеченных печатью резко-самобытного таланта, которого особенность глубоко прочувствована и мастерски представлена автором в стихотворении „Музе“. Эта пьеса может служить лучшею характеристикой „Стихотворений“ г. Некрасова и потому приводим ее вполне <далее следует полный текст стихотворения „Музе“>.

Третий отзыв о первом издании «Стихотворений Н. Некрасова» нам удалось отыскать в журнале «Сын Отечества», возобновленном А. Старчевским в 1856 г. В еженедельном обзоре новых русских книг в № 31 читаем:

«В нынешнем году особенно посчастливилось нашим поэтам: в короткое время явились на свет, одни за другими, произведения г.г. Бенедиктова, Фета, Кольцова, Огарева и, в настоящую минуту, — Некрасова, который, без всякого сомнения, будет встречен публикой с не менее, если еще не более благосклонным приветом, чем другие поэты. Г. Некрасов — вполне представитель нового искусства, начало которому положено Гоголем. Он, по преимуществу, поэт нашей современной жизни с ее темными и загадочными вопросами, поэт русской действительности, которую он так обаятельно возводит в перл создания. Лучшие стихотворения г. Некрасова, бесспорно, те, которых содержание взято из простонародного быта, а они составляют большую часть книги. Кто не знает его задушевных, исполненных мысли и глубокого чувства пьес: „В дороге“, „Огородник“, „Тройка“, „Извозчик“, „Еду ли ночью“ и проч. Сюда же относятся и впервые появляющиеся теперь произведения: „Забятая деревня“ и „Отрывки из путевых заметок гр. Гараиского“. Не менее понятна всем и язвительная насмешка поэта в пьесах: „Поэт и гражданин“, „Нравственный человек“, „Колыбельная песня“ и пр. Г. Некрасов сам прекрасно определил характер своей поэзии в стихотворении „Музе“ <следует цитата>. Мы, со своей стороны, впрочем, постараемся подробнее определить в особой статье значение г. Некрасова в нашей литературе» ²².

Возможно, что этой «особой статьей» была анонимная статья Г. Е. Благосветлова (?) «Н. П. Огарев и Н. А. Некрасов», предзнаменовавшаяся для № 33 «Сына Отечества», но изъятая оттуда по требованию цензуры. Несколько начальных гранок статьи, с пометками цензора, сохранились и публикуются ниже Я. З. Черняком. Если атрибуция последнего правильна, то возможно, что и автором цитированного нами анонимного отзыва является тот же Г. Е. Благосветлов.

Цензурная буря, поднявшаяся вокруг Некрасова в конце 1856 г., не дала возможности критике откликнуться на его книгу. Все же рассмотренные нами три отзыва, пропущенные в некрасововедческой библиографии, проливают некоторый свет на отношение литературной общественности к такому событию, как выход первого издания «Стихотворений Некрасова». Наряду с приведенными нами оценками появившихся в журналах стихотворений поэта, они служат опровержением установившегося мнения о полном отсутствии в печати 1856 г. отзывов о Некрасове.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Некрасов, V, 521.

² Владимир Рафаилович Зотов (1821—1896) — сын известного в свое время романиста Рафаила Зотова, дебютировал в 1840 г. стихотворением в журнале «Маяк», находясь еще в стенах царскоевельского лицея. В течение пятидесятилетней литературной деятельности Вл. Зотовым было напечатано громадное количество самых разнообразных оригинальных и переводных произведений: романов, стихов, драматических сочинений, статей, фельетонов, очерков, исследований и т. д. Его произведения, собранные вместе, составили бы несколько десятков томов. Вл. Зотов активно сотрудничал в целом ряде периодических изданий различных направлений. Но его плодотворная писательская деятельность не оставила сколько-нибудь заметного следа в истории русской литературы и критики. Вл. Зотов не был последовательным бойцом ни в одном из борющихся литературно-общественных лагерей.

³ В изданном Некрасовым в 1843 г. сборнике «Статьи и стихи», т. 2, Вл. Зотов поместил свою «Философическую сказку» «Жизнь и люди», которую вначале приписывали Некрасову. По свидетельству библиографа Петра Быкова, Некрасову приписывали также несколько стихотворений Вл. Зотова, помещенных в «Полярной звезде» и др. изданиях (см. «Новое время», 1896, 21 апреля). Письма Некрасова к Вл. Зотову 1844 г. говорят об участии Вл. Зотова в каких-то изданиях, подготовлявшихся в то время Некрасовым (см. Некрасов, V, 59—60).

⁴ «Северное сияние». Русский художественный альманах. СПб., 1865, т. 4, 31—36.

⁵ Этот интересный отзыв Вл. Зотова о Некрасове затерян в длинной анонимной статье «Очерк библиографической истории русской словесности в 1847 г.» — «Литературная Газета», 1848, 5 февраля, № 6, 89. Авторство Вл. Зотова установлено Н. В. Здобновым в его кн.: «История русской библиографии», М., 1944, I, 116.

⁶ «Пантеон», 1852, № 4, отд. «Петербургский Вестник», 14—15.

⁷ «Пантеон», 1854, № 3, отд. «Петербургский Вестник», 3.

⁸ «Пантеон», 1854, № 11, отд. «Петербургский Вестник», 12.

⁹ «Пантеон», 1855, № 3, отд. «Петербургский Вестник», 6.

¹⁰ Интересно отметить, что высказывание Вл. Зотова в «Пантеоне» гораздо определеннее, резче и ближе к демократическим позициям, чем в «С.-Петербургских Ведомостях». Очевидно Вл. Зотов мог свободнее высказываться в журнале Ф. А. Кони, чем в газете давнего литературного врага Некрасова — Краевского.

¹¹ «С.-Петербургские Ведомости», 1856, 6 марта, № 52, 298. Подпись: «Вл. Зотов».

¹² «Пантеон», 1856, № 2, отд. «Петербургский Вестник», 13—15 (об авторстве Вл. Зотова см. «Исторический Вестник», 1890, XI, 511). В этой же статье Вл. Зотов проявляет свойственную ему непоследовательность. Провозгласив благородной целью искусства сделать поэзию «строгой, подчас беспощадной облицовочной плиткой всех неправд и уродливостей, всех грустных и горьких сторон человечества, всего, что мы прячем в тень, прикрывая нашей чопорностью и сочиненными нами же законами светского приличия», Вл. Зотов в конце этой же статьи яростно нападает на «бездушную, черствую, холодную мысль, на которой построена вся эстетическая теория Чернышевского», и объявляет, что он будет «судить о явлениях искусства, признавая прекрасными только те, которые будут заключать в себе идеализированную истину и ее художественное представление...» Этой невыдержанностью демократических позиций Вл. Зотова, очевидно, объясняется то, что Некрасов, после совместной с ним литературной работы в начале 40-х годов, не привлекал его в дальнейшем к сотрудничеству в своих журналах.

¹³ См., напр., комментарий К. И. Чуковского в издании: Н. А. Некрасов. Сочинения. Гослитиздат, Л., 1937, 520. Нами обнаружено около 30 отзывов о Некрасове в одних только петербургских периодических изданиях 1856 г.

¹⁴ «Красный Архив», 1922, I, 358. Публикация Н. Бельчикова.

¹⁵ «Библиотека для Чтения», 1856, № 2, отд. VI, 73—74. — Псевдоним раскрыт по кн.: И. Ф. М а с а н о в. Словарь псевдонимов, I. М., 1941, 502.

¹⁶ «Русский Инвалид», 1856, 29 января, № 98. Подпись: «Н. Т.»

¹⁷ «Русский Инвалид», 1856, 22 мая, № 112, 469—490. Подпись: «Лебедев».

¹⁸ «Русский Инвалид», 1856, 2 июня, № 121, 527—529. Подпись: «Лебедев» (см. примеч. 9).

¹⁹ Эта предусмотрительность облегчалась тем, что во главе этих газет стояли литературные враги Некрасова — Краевский и Булгарин.

²⁰ «Русский Инвалид», 1856, 11 ноября, № 247, 1050. Подпись: «Москвич».

²¹ «Русский Инвалид», 1856, 14 декабря, № 273, 1163—1164. Подпись: «Москвич».

²² «Сын Отечества», 1856, 4 ноября, № 31, 98—99. Без подписи.